

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Со времен Томаса Гоббса проблема порядка занимала ключевые позиции в социальном и гуманитарном познании. В XIX в., вследствие осознания грандиозности социальных последствий индустриализации для стран Европы и Северной Америки и фундаментальных отличий последних от традиционных обществ других частей света, к ней прибавилась проблема социального изменения. Изменения, перемены так же присущи обществам как и тенденции к упорядочиванию и организации социальной жизни. Стабильный порядок и вариативная изменчивость лишь на первый взгляд могут представляться полярными состояниями общества. В действительности, с одной стороны, поддержание порядка, социальной организации требует осуществления множества разноплановых и разномасштабных социальных изменений, призванных обеспечивать ответы на вызовы внешней среды (по отношению к данному порядку), а также на энтропийные внутрисредовые процессы. С другой стороны, динамические процессы также могут рассматриваться как предпосылки социальной кристаллизации, становления определенных социальных упорядоченностей, структур, взаимосвязанных целостностей.

Можно утверждать, что между порядком и изменением в области социальной реальности существует непрерывная диалектическая связь. Сложно дать окончательный ответ на вопрос, что же является первичным, а что вторичным в рамках этой тесно связанной пары категорий. Изменение, все-таки, представляется более универсальным явлением, поскольку именно оно лежит, как ни парадоксально это звучит, в основе социального порядка. По меньшей мере, представляется не корректным придавать социальному изменению подчиненный статус относительно социального порядка. При этом в зависимости от того, какие качества (постоянство, стабильность или изменчивость, вариативность) превалируют в те или иные исторические периоды, последние можно разделять на устойчивые, стабильные (общество, цивилизация, формация, социальный порядок, система и т.д.) и переходные.

Само понятие «переходного периода» довольно позднего происхождения и возникло, как считают И.М. Савельева и А.В. Полетаев как следствие отказа от определения стационарных периодов по событиям и акцентирования внимания на обратный процесс — выделения стационарных периодов, а затем — поиска границы, отделяющей один такой период от другого. Поскольку точная датировка «разрыва» в таком случае оказывалась невозможной, «разрыв» должен был определяться как период¹. В середине XIX в. началось обсуждение проблемы переходного этапа, пролегающего между двумя качественно различными (но внутренне однородными) эпохами истории Запада: Средневековьем и Новым временем. Возможно, первым автором, попытавшимся обозначить переходный этап между Средней и Новой историей, был Жюль Мишле, выделявший в одном из томов своей «Истории Франции» в качестве

* Статья подготовлена в рамках исполнения государственного контракта 02.740.11.0348 шифр 2009-1.1-301-072 по теме «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных эпох».

такого переходного периода эпоху Ренессанса. В исторических исследованиях «разрывы» концептуализируются как динамические переходные периоды, на протяжении которых формируются новые структуры. Зачастую эти периоды идентифицируются как «кризисы».

Переходные эпохи отмечены исторической неустойчивостью, кризисными явлениями, катастрофами, распадом старых и формированием новых социальных связей и порядков². Специфика переходных периодов рождает своеобразные проблемы и требует использования специальных теоретико-методологических подходов для их изучения³.

Во-первых, следует понимать относительность самого качества переходности. Понятие переходный период применяется ко всему обществу на протяжении какого-то интервала времени, короткого или длительного. Однако общество представляет собой сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Здесь можно сослаться на концепцию исторических времен, предложенную Ф. Броделем: три уровня, различающихся скоростью происходящих в них изменений, — 1) «длительная временная протяженность» (*longue durée*) медленных, почти неподвижных взаимоотношений общества и природы, привычек мыслить и действовать; 2) экономические и социальные структуры, скорость изменения которых измеряется десятилетиями и 3) событийный уровень политической истории, измеряемый хронологическими датами. Детализация изучаемых объектов позволяет разрабатывать более дробные схемы, включающие большее количество уровней и исторических ниш со своими темпоральными механизмами⁴, оказывающими воздействие на динамику переходной эпохи в целом.

Так, шведский социолог и культуролог Й. Форнюс (Johan Fornäs) полагает, что для рассмотрения процессов модернизации недостаточно двух аналитических полюсов — стабильность *IS* изменения. По его мнению, эпоха модернити не может состоять только из твердых, устойчивых структур, или только из быстрых, случайных изменений. Следует различать, по крайней мере, 4 типа различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все четыре типа сосуществуют в рамках эпохи модерна, и хотя модернизация может воздействовать на три других, все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно⁵.

Во-вторых, следует выделить полиморфизм как ведущий организационный принцип, лежащий в основе созидания исторической ткани переходных периодов. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая друг на друга воздействие, способное их трансформировать. Проблема здесь состоит, с одной стороны, в том, что механизмы функционирования укладов и анклавов в инородном контексте могут подвергаться коррек-

ции, которая должна стать предметом скрупулезного исторического расшифровывания; с другой стороны, общая динамика переходных периодов не может элементарно подсчитываться путем арифметического суммирования динамик ее составляющих, но требует разработки специальных теоретико-методологических подходов.

Проблема полиформизма (неоднородности, многоструктурности, многоукладности) социального пространства хорошо известна исследователям, занимающимся изучением социальных процессов, в том числе социальных процессов прошлого. Данная проблема привлекала внимание отечественных историков, работавших в рамках формационного подхода. В 1960-е гг. в советской историографии была предложена концепция многоукладности для изучения преимущественно процессов социально-экономического развития в России XIX — начала XX вв. Интересные результаты дало применение концепции при анализе истории уральской промышленности пореформенного периода (работы В.В. Адамова, Т.К. Гуськовой, Л.В. Ольховой и др.)⁶.

Проблема полиморфизма, многоукладности нашла отражение в исследованиях отечественных востоковедов (В.Г. Растянников, Г.К. Широков, В.В. Крылов, В.И. Павлов, Л.И. Рейснер, Н.А. Симония, А.И. Левковский, А.И. Фурсов, А.П. Колонтаев, Е.В. Котова и др.)⁷, в ходе изысканий которых были разработаны теоретические основы проблемы многоукладности, а также представлены конкретные исторические исследования по истории многих многоукладных развивающихся стран Востока.

Развивая данный подход, современные исследователи А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов предложили выделить анклавно-конгломеративный тип развития. Авторы считают результатом подобного развития конгломератные общества, которые характеризуются длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений; данные пласты образуют внутри общества анклавы, эффективность организованности которых дает возможность анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата⁸.

В-третьих, в контексте переходной эпохи происходит формирование, «становление» социальных структур, которые поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить. Именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий — реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества. В связи с этим мы полагаем, что динамизм исторического перехода невозможно сводить лишь к серии реформ, преобразований, проводимых «сверху». История переходного периода должна рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание ее «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и в то же время оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территори-

альными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

В-четвертых, следует иметь в виду, что динамика переходных периодов детерминируется, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Внешние факторы (системные зависимости, демонстрационный эффект, диффузия экзоинноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их искажать. Особо следует коснуться вопроса укоренения нововведений. Признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве. Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными). Заимствование явлений не всегда сопровождается переносом его системных признаков, т.е. места и роли, которыми они обладают в системе культуры-донора. Более того, возможны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения.

В итоге переходный период оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращением и убываниям. Этот беспокойный период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множественных процессов с различными векторами, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Примечания

¹ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1.

² По мнению М.С. Бобковой, переходный период XVI–XVIII вв., на протяжении которого происходило разрушение традиционного общества, можно определить как «эпоха катастроф», то есть «временной отрезок, хронологический этап экономического, социального, политического, культурного взрыва, который часто проявляется в этнических, конфессиональных конфликтах, революциях, гражданских и континентальных войнах, являющихся высшим критерием оценки кризисного состояния общества. В результате этого взрыва рождается новый социум, погруженный и детерминируемый новыми временными ритмами, иным осмыслением прошлого, фиксируемым в особенностях как индивидуальной, так и коллективной памяти» (См.: Бобкова М.С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». М., 2008. С. 43).

³ Особо следует выделить подготовленный Институтом всеобщей истории РАН сборник научных статей «Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность» (М., 2003), в котором предпринята попытка исследования смены качественных состояний общества (переходных эпох) от древности до современности.

⁴ См.: Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 121–125.

⁵ Fomäs J. Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995.

⁶ Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. Также см.: Иванова Н.А. Проблема многоукладности на современном этапе развития исторической науки // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001. С. 592–604.

⁷ См.: Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. М., 1984; Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993; Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995; Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999; Восточный социум. М., 2007.

⁸ См.: Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69; Они же. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия. М., 2002. С. 109–128.

*С.П. Постников, М.А. Фельдман
(Екатеринбург)*

СОВЕТЫ НА УРАЛЕ В 1917 г.: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ*

Период последних двух десятилетий стал временем издания целого ряда историографических трудов, затрагивающих (частично или целиком) проблемы истории взаимоотношений власти и рабочих в России¹ и на Урале в 1917 г.² Мы поддерживаем как методологическое замечание Д.О. Чуракова о том, что вопрос об определении хронологических границ вообще и революции 1917 г. в частности должен быть подчинен решаемым научным задачам.

Если под революцией понимается резкая смена вектора движения, переход от одной ступени (или модели) цивилизационного развития к другой, события Февраля и Октября вполне приемлемо выделять две самостоятельные революции. Если же речь заходит о тенденциях, определявших лицо всей переходной эпохи, то в этом случае правомерно говорить о единой Великой Русской революции, как говорят о единой Великой Французской³.

Степень разработки историографических исследований позволяет сосредоточиться на характеристиках литературы, оказавшихся вне поля названных трудов, и новых оценках, имеющих принципиальное значение.

Уральская историография проблемы имеет глубокие корни и нашла отражение в целом ряде фундаментальных работ. Их анализ показывает, что наиболее изученными являются вопросы установления советской власти на Урале и участие в этом процессе индустриальных рабочих, слом старой государственной машины и создание советского аппарата, осуществление советами первых экономических, социальных и культурных преобразований.

Историографической традицией можно считать утверждение о том, что победа советской власти на Урале произошла «хотя и не одновременно, но в сравнительно короткие сроки и главным образом мирным путем»⁴. Объяснение этому историки видят в том, что на территории края имелся «мощный отряд» революционно настроенных индустриальных рабочих, который возглавляли «боеспособные большевистские организации». Кроме того, здесь действовала разветвленная сеть советов, где большевики имели значительное влияние⁵.

События февральской революции в уральских провинциях получили освещение в современной постсоветской литературе. Изменения в местных структурах власти,

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-83105а/У.